

Поэтическая седмица

Лариса Бухвалова

Елена КРЮКОВА:

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ВОСКРЕСЕНИЕ, ЧУДО

Поэзия Ларисы Бухваловой

Есть художники, плоть от плоти земли и дух от духа небес. Словом сшивают они пространства-времени. Такова Лариса Бухвалова. Живёт она себе в доме неприметном в старинном русском городке Павлово-на-Оке; хозяйствует, заботится о саде и огороде, о котах и собаке, растит дочь и вязью драгоценных родимых слов, огненным и тишиайшим русским словом запечатлевает жизнь. Таковую мгновенную. Таковую непрерывную. Не только свою: золотная нить её поэзии светящимися стежками проходит вдоль по шитью незапамятных веков, по холстинам, кольчугам и многостраданиям народа. И века все эти, дальние, забвенные, ветрами битв овеванные и током слёз досыта напитанные, хромосомно, вольно текут в её крови. Ей внятна древняя боль, и она разделяет с людьми и Богом нынешний праздник, и она – живая шкатулка сокровенной памяти:

*(...) Вощёные рамки в янтарных слезах.
Вы стали как прадед – и небо, и прах.*

*Медового Спаса, имперского, схрон,
Где август в божнице, меж ликов икон.*

*Пропавших миров золотые рои.
Медовые Спасы на русской крови.*

Поэт – и человек, и цветок, и жар, и холод, и птица в вышине. Мы ляжем в землю, насытив её своей плотью, но кто увидит нас там, высоко, на крутояре над рекой – летящей чайкой?..

А закат переплавляет весеннюю бурю сирени в осенний прощальный ландшафт Иномірия, в границу-фронтір между земным телом и вечной свободой души:

*(...) Перечёркано всё здесь крестами.
Смотришь молча на рдяный закат.
И сирени весеннее пламя
Переходит в инакости сад.*

Качается на ветру духмяный Евангельский иссоп, поёт призрачный печальный Харон, но сколько чистой радости в цветении тимьяна – Богородичной травки, сколько наслаждения и упоения в созерцании растущего на земле цветка – цвета широкого бездонного неба...

И «...припасённый серп остёр, // Из стали стрельной...» – для того, чтобы, согбенно на луговине трудясь, срезать траву, отросшую вдругорядь отаву, чтобы пожать дар земли и низко поклониться ей – за жизнь, за смерть, за воскресение, за чудо.

СЕДОЕ СЕНО

* * *

Пчела собирала нектар в овнях.
Лещина цвела. Цвет в подол опадал.

У прадеда в улье небесна смола.
Там Божия матка приплод принесла.

Лети, пчёлка, выше – на сини холмы,
Изба где чернеет на холмах земных.

Крыльцо там высоко, как жизнь и судьба.
По брёвнам, по кольцам сочти бы лета.

Там ставни открыты и неба по грудь.
Медовые соты к губам я прижму,

Хранимые свято в стараньях семьи.
В колхоз были взяты, во чрево земли.

Вощёные рамки в янтарных слезах.
Вы стали как прадед – и небо, и прах.

Медового Спаса, имперского, схрон,
Где август в божнице, меж ликов икон.

Пропавших миров золотые рои.
Медовые Спасы на русской крови.

* * *

Так я подсолнух. Я не помню сна.
И прошлого – не холодит мне камень.
Что за стеной, в сарае? Вроде хлам.
Там сыплется поленница дровами.

Разборки ждёт, и края не почать.
Велосипед, поломанный годами.
Там грабли под сушилами торчат,
Нависшие, повторенные нами.

Я в сумраке гляжу на пышный сад.
Так вот что там! Живая, всё я знаю.
Дух обожгло оно – распада пламя.

Но вот – забвенья взломана печать.
Мне спину тёплый свитер прикрывает.
Я мыслю. Так с чего же мне начать?

СИРЕНИ

Там, где чайки кричат в Окском ветре,
Зазывая с собой полететь,
Над обрывом клубятся сирени,
Как седой переход через смерть.

Не леса, не поля, а кладбище.
Отведённые строго места.
Словно души, уносятся птицы.
И сирени былого кипят.

Солнце всё в кумаче, угасая,
Зажигает, лучась, свечи им
Над последним пределом и краем,
Над обрывом непрочным земным.

Перечёркано всё здесь крестами.
Смотришь молча на рдяный закат.
И сирени весеннее пламя
Переходит в инакости сад.

* * *

Что сохранится в тленном бытии?
Потуги по-младенчески напрасны.
Кирпич в земле – лежали доски – красный,
Ветвь яблони, душа моя в огне
И сумрак, на посёлок павший...

Останутся узоры на стекле,
Влетевшая в моё окно синица.
Точнее – ничего не сохранится.
Ложится мягко в этот мир извне
Спокойная Господняя десница.

Бог переложит сад в другой карман,
Как пачку сигарет, браслет и книгу.
Он вечность обошёл, Бог много видел.
Он не задержит взгляда – век всем дан –
Был день, был мир у нас, но вот – век минул.

Я в дом войду, в попытке изменить
Хотя бы очертания скорлупки.
Нельзя за борт, сосчитаны поступки...
Лети, петарда... чью прервёшь ты жизнь?
Лишь паутинки, мятелки в ней хрупкой.

Но ты играй, пока живёт простор.
В полёте мы над пропастью, на мушке.
Бог подбородок в млечности подпёр.
Он хоррор смотрит, гибнет в нём тапёр.
Навзрыд, перед глазами демиурга.

ЧАБРЕЦ

Ползёт по борозде чабрец.
Он Божия трава.
А августу пришёл венец,
И клонится глава.

Приник душистый медонос,
В росе прохладной он.
И узкий колокольчик свой
Весь обращает в звон:

«Тимь-ян, тимь-ян!» – легко звенит,
Хоть не слышать того.
Пчела с нектаром в рыльце спит
От сладости его.

И Богородица, присев
В духмяные цветы,
Глядит с земли на гладь небес,
Ей там Врата видны.

«Вот и успела я, Тимьян, –
Цветкам тем говорит, –
Сполна, знать, претерпела я.
И вижу – Сын стоит.

И призывает Он меня
К Себе, Тимьян-Чабрец,
Я вижу – выше бытия
Воссел Его отец.

То мне воскреснуть, знать, пришли
От вечности часы.
Священник скоро воскурит
По мне твои цветы».

И Богородская трава
Качается пред ней:
«Тимь-ян, тимь-ян...»
И голова
Склоняется сильней.

СЕДОЕ СЕНО

Иду тропинкой золотой,
В горячих бликах.
Сентябрь-то солнечный какой.
Седая вика.

Зовёт она – трава полян.
Осенний клевер,
Как веера, распался там,
На грани неба.

Берёзки луч позолотил,
С воображеньем.
Сама гляжусь – в цветках седин –
Букет осенний.

Мой припасённый серп остёр,
Из стали стрельной –
Отавы срежет и сгребёт
Седое сено.

Я скину куртку – солнце жжёт –
Денёк не будний.
Хорош не кошенный бугор.
И весь мой будет.

Пошла. Стожки мои растут:
Осока, клевер.
Богатство застоялось тут
Роскошных плевел.

И каковы – в перины пух.
Репей нависнет –
А я репей-то обойду
И срежу вики.

Я курам сена принесу –
Травы медовой.
Возрадуется мой петух,
Певун садовый.

* * *

Рука реки легла между холмов.
И рыбаки уселись на предплечье.
А тело изогнулось в небе снов,
Бледнея, словно тело человежье.

Такое долгое, как жизнь моя, река,
Как бабушкина жизнь, стекая в осень,
Смещаясь в Лету, молоком кипя,
Под пение Харона и плеск вёсел.

На север судеб, в дали путь ведя,
Держа за крылышко легко, прилежно
Осенний день, порывы ветерка,
Скамеечку над кручей, взгляд надежды;

Всю в глинах жизнь, в свистульках и конях –
Лепила барынек, собачек, птичек...
Пропали в бездне, превратились в прах,
В закат над лесом, в облака наничку.

По наволке небес, иглой теперь
Гуляя, нить живая вышивает:
Оленьё стадо, колоски с полей
И косы леса, рыжие по краю.

Там я – задумавшись, как птичка, на краю,
На круче, на заплаточке скамейки.
А облака плывут, стада идут,
Харон поёт, рука реки белеет.